

Елена Михалкова

Иллюзия жизни

Издательство АСТ
Москва

Деньги пахнут.
Маленькие – потом.
А большие – кровью.

Неизвестный автор

ГЛАВА 1

Лифт застрял между этажами, стоило мужчине достать ключи из портфеля. Кабина дернулась и замерла, ключи жалобно звякнули в его руке. Мужчина расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, поворочал головой на толстой шее и негромко выругался. Затем нажал на кнопку вызова лифтера.

– Послушайте! – негодуяше сказал он, плотно прижимая губы к динамику. – Что за безобразие?! Я застрял!

– Ждите, техник скоро будет, – равнодушно ответил женский голос, и в динамике стало очень тихо.

– Знаю я ваше «скоро»! До вечера здесь сидеть!

Мужчина убрал ключи, огляделся, словно ожидая увидеть в кабине что-то новое, и, не увидев, бессмысленно выругался себе под нос.

Сверху послышались громкие скрежещающие звуки, и внутрь упал свет. Задрал

голову, мужчина увидел, что двери шахты немного разошлись. С платформы вниз на него смотрел парень лет восемнадцати в рабочей спецовке и низко нахлобученной красной кепке.

– Сейчас вас поднимем, не волнуйтесь! – бодро пообещал парень. – Айн момент!

– Да, вы уж постарайтесь! – потребовал узник, в глубине души приятно удивленный таким быстрым появлением лифтера.

Тот раскрыл чемоданчик и принялся возиться с дверьми, чем-то стуча и щелкая. Прошло пять минут. Человек, сидевший в лифте, закипал все сильнее. Ему ведь пообещали поднять его сейчас же! Черт знает что!

– Так-так-так... – озабоченно сказали наверху, перестав стучать и щелкать.

– Что такое?

– Вы понимаете, какое дело... – Лифтер снова наклонился, вытер лоб, немного приподняв свою кепку. – Все немножко серьезнее, чем мне сначала показалось.

– Да куда серьезнее – я уже почти сорок минут здесь торчу! – вознегодовал мужчина, вошедший в лифт меньше четверти часа назад. – Почему до сих пор не починили?!

– Коленчатая шестеренка сломалась, нужно ее заменить. Запасная – на другом объекте. А я, как назло, телефон забыл. Так что придется мне туда сходить, взять ее, принести сюда и поставить. Тогда сможем вас поднять.

– А нельзя попросить кого-нибудь, чтобы принесли эту вашу шестеренку?

– Можно, конечно. Вот только говорю же – телефон забыл! Номер напарника помню, а позвонить ему не могу.

– Господи, ну так возьмите мой телефон! – воскликнул мужчина. – Неужели так сложно догадаться?!

– В самом деле... – Парень смущенно улыбнулся. – Не додумался, извините.

Поднявшись на цыпочки, мужчина протянул вверх серебристый айфон.

– Осторожнее, не уроните, – брюзгливо попросил он.

– Ни в коем разе! – весело пообещали ему.

Чемоданчик исчез, двери шахты закрылись, и наступила тишина.

Когда прошло некоторое время, мужчина в лифте громко выразил свое недовольство. Выражал он его еще минут десять – до тех пор, пока лифт неожиданно не тронулся и не открыл двери на следующем этаже.

– Здравсьте, – с ленивой усмешкой сказал ожидающий на площадке мужик с перепачканными в чем-то черном ладонями. – Извиняюсь, что долго: вызовов много.

– Вы кто? – настороженно поинтересовался мужчина, отчего-то не торопясь выходить из лифта.

– Лифтер. А вы кого ждали? Санта-Клауса?

...Участковый подошел к троим милиционерам возле подъезда. Один из них что-то писал, сидя на корточках, подложив под лист папку. Другой диктовал, то и дело отвлекаясь на проходящих мимо девчонок в коротких юбках. Третий скучал.

— Восемь домов успел обойти, красавец! — поведал он участковому. — Везде одна схема: отключал лифт, затем выманивал телефон — и был таков. И не домохозяйка ведь дожидался, а солидных людей.

— Солидные люди... — проворчал пишущий. — Все как один телефончики-то отдали. Домохозяйка, может, и не согласилась бы.

— Описание хоть есть? — спросил участковый.

— Да какое описание! Парень по возрасту студент. Ни примет, ничего... Кепка только красная.

— А чем мотивировал, что ему нужен телефон?

— Говорил, в лифте не хватает важной детали и нужно позвонить, чтобы ее привезли.

— В лифте? — переспросил участковый. — Детали? Какой еще детали? Дверей, что ли?

Милиционеры переглянулись. По лицу первого расплзлась ухмылка, а второй хохотнул.

— Шестеренки, Коля! — объяснил третий, сдерживая смех. — Коленчатой!

жердочке возле зеркала неподвижно сидел огромный красногрудый попугай, и невозможно было понять, чучело это или живая птица.

Парень поставил на пол чемоданчик с инструментами, снял яркую кепку. Выплюнул из-за щек ватные шарики, потер перед зеркалом брови и носогубные складки, счищая грим. Сдернул с головы тонкую, почти незаметную сеточку. И превратился в девчонку лет шестнадцати с гривкой темно-русых волос.

– Ну что, Прохор, – сказала девчонка, подмигнув попугаю. – По-моему, я только что сдала первый экзамен.

За восемь месяцев до описываемых событий

Когда хлопнула входная дверь, Ирка вертелась на кухне, сооружая себе немудреный салат из капусты. Во дворе соседка громко и назойливо звала кота, и за ее однообразным «Тии-и-иша! Тии-и-иша! Ти-и-и-иша!» она не услышала щелчка проворачиваемого ключа. Утратила бдительность, как сказала Лелька Гаврилова, когда физик на экзамене застиг ее с задранной юбкой, под которой к розовой Лелькиной ляжке была приклеена «шпора».

Дверь, служившая Ирке союзницей, хлопнула громко, предостерегающе, даже и не хлопнула, а хлопыстнула, и по этому предупреждению Ирка тут же все поняла. Бесшумно опустив нож на скатерть, она прокралась из

кухни в коридор, быстро скользнула в свою комнату и набросила хлипкий крючок. Приколоченный еще два месяца назад, сейчас он показался ей совсем ненадежным, и она пожалела, что не поставила засов.

— Иришка, ты дома? — вкрадчиво позвал хрипловатый мужской голос.

Ей даже не нужно было прислушиваться — все, что сейчас делает вошедший, Ирка отлично представляла. Вот проходит в грязных ботинках в кухню, видит на столе второпях брошенную посуду, и по лицу его расплывается гадкая ухмылка... Вот приближается к ее комнате, оставляя за собой следы на полу. Одной рукой обязательно ведет по стене, подцепляя нечистыми пальцами отошедшие края обоев.

— Ири-и-шка! — еще ласковее окликнули ее. — Ты здесь, я знаю! И капустки порезала, умничка... Ну, выходи, поздоровайся с папой!

Лицо девочки исказила гримаса отвращения.

— «Здрасьте» будешь говорить или нет? — рывкнули совсем рядом, за дверью, и она отшатнулась, кусая губы. Отвечать было опасно, но молчать — еще опаснее.

— Здравствуйте, дядя Вова! — крикнула девочка, отступая к столу. — Я уроки делаю, дядя Вова.

Снаружи раздалось пыхтение. Ирка будто через стену видела отчима — как он стоит, покачиваясь, оттопырив нижнюю губу и наморщив лоб. Узел галстука сбился на

сторону, по рубашке расплываются темные пятна. «Уходи! Уходи! – про себя яростно крикнула она. – Оставь меня в покое!»

– А что же ты не выйдешь? – укорили ее. – Некрасиво себя ведешь, Иришка. Не веж-ли-во.

И в дверь деликатно постучали три раза, словно для того, чтобы преподать ей урок вежливости.

Она молчала, и стукнули сильнее. Еще раз, и еще... Это было что-то новое – прежде, если она запиралась, отчим с бранью уходил, а один раз уснул на коврикe возле ее комнаты. «Наверно, совсем пьяный, – успокаивающе сказала себе Ирка. – Сейчас опять уснет, как тогда».

Но третий удар заставил ее вздрогнуть.

– Открывай! – потребовал отчим, сбросив притворную ласковость. – Открой, дрянь! Я тя вежливости учить буду, пняла? Этикет, типа, пняла? Чего молчишь?

– Я занимаюсь, – громко ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Вот со мной и позанимаешься!

Он добавил что-то еще, и следом на дверь обрушился град пинков и ударов. Ирка с ужасом видела, как пляшет крючок, расшатываясь все сильнее. Наконец после очередного толчка он вылетел из петли, и в комнату ввалился дядя Вова.

Отчим выглядел в точности так, как Ирка и представляла: галстук сбит на

сторону, рубашка взмокла, глаза налиты кровью. Он держался волосатыми лапами за дверной проем, покачиваясь вперед-назад.

– Ты что это, Ириша, себе позволяешь? – с тихой угрозой начал он. – А ну иди сюда!

– Дядя Вова, мне уроки надо делать, – с тоской проговорила девочка, отводя взгляд, чтобы не видеть его лица.

– А чего в глаза не смотришь?! На меня смотри, я сказал! А глазки-то бегают, бегают... Врешь, значит, – удовлетворенно заключил отчим. – Не уроки ты делаешь, Ирина, ой не уроки. Говори, чем занимаешься! – внезапно заорал он.

Ирка молчала. «Главное – не спорить, – твердила она себе. – Не спорить. Он сейчас проорется и уснет, как всегда».

– Пороть вас, гаденышей... – мечтательно протянул дядя Вова. – Волю дали, распустили... Совсем зарвалась, забыла, как отца с работы встречают.

– Какой ты мне отец?! – не выдержала Ирка.

– Такой! Какой есть! А если...

Неожиданно отчим осекся и уставился на нее, прищурившись. От его молчания девочке стало не по себе.

– А если не отец... – с другой интонацией проговорил дядя Вова, – так, значит...

Он сделал шаг, другой, и Ирка попятилась назад, уперлась спиной в стол.

– Подойдешь – закричу! – предупредила она.

– А кричать-то зачем? Не, кричать не надо... Мы с тобой все и без криков уладим...

Его бормотание перешло в шепот, и, приблизившись вплотную, он облапил Ирку и прижал к себе, обдав ее перегаром и чем-то кислым, похожим на запах протухших щей.

– Отпусти!

Ирка отчаянно извивалась и брыкалась, но ее держали крепко.

– Ах ты сладкая моя девочка! – Он шептал ей в ухо. – Не хочешь, значит, в папочку поиграть? Давай другие игры придумаем.

Рука его скользнула ей под платье.

– А будешь кричать, я матери расскажу, что ты ко мне первая полезла. Ходишь, попой крутишь, заигрываешь. Слаб человек, поддался искушению... Мать-то пожалей, каково ей придется?

Ирка застыла, прекратив вырываться.

– Вот и умничка, вот и славно, – обрадованно забормотал отчим. – Сарафанчик-тоними, лишний...

Он потянул вверх подол ее платья. В следующую секунду девчонка подавалась назад, а затем резко ударила мужчину лбом в переносицу, подпрыгнув, как показывали мальчишки в школе, когда учили ее пасовать мяч. Раздался хруст, и отчим с ревом попятился, прижимая обе ладони к носу и зажмурив глаза. Из ноздрей у него хлестала кровь.

Ирка опрометью выскочила из комнаты и бросилась к наружной двери. Позади

гремел уже не рев, а такая грязная брань, что она побоялась терять время и выскочила из квартиры в чем была – в стареньком платье и разношеннх домашних сандалиях.

Девочка замедлила бег только тогда, когда стала спотыкаться от усталости. Тяжело дыша, она побрела по сонной разморенной улице, где навстречу ей попадались одни лишь бродячие кошки. Через час люди начнут возвращаться с работы, придет мать, и дядя Вова расскажет ей свою версию событий...

Она остановилась на перекрестке, растерянно огляделась вокруг, соображая, куда же ее занесло... Из подъезда напротив вышла седовласая женщина, окинула девочку строгим взглядом, и вдруг Ирка сообразила. «Это же Лелькин дом! Гавриловой!»

Спустя пару минут она уже стояла на третьем этаже и отчаянно давила на кнопку звонка.

Дверь открылась неожиданно, и заспанная Гаврилова недовольно уставилась на подругу:

– Лебеда! Ты чего трезвонишь? По телефону позвонить – не судьба, да?

– Нет у меня телефона, я его забыла, – сказала Ирка, облегченно улыбаясь оттого, что все закончилось. Гаврилова – друг, она выручит. – Лелька, слава богу, что ты дома!

– Ну, я тоже рада... Заходи. Чего случилось-то? Щас я кофе поставлю, и расскажешь.

12 Но дожидаться кофе Ирка не стала, бухнула с порога:

– Лель, я из дома ушла. Можно мне пока у тебя пожить? Хотя бы неделю. Я к себе не могу вернуться, меня отчим... – В последний момент она передумала и сказала не то, что собиралась: – Избить хотел.

– Ой! Ирка, да ты что?!

– Честно. Снова пьяный вернулся, дверь вышиб. Я убежала, даже взять ничего не успела.

– Ир, так тебе не ко мне надо было идти, а в милицию! На твоего дядю Вову дело заведут!

– Какая милиция, Лель? Какое дело? – устало спросила Ирка и села прямо на пол. – Кто мне поверит? Мне даже мать слова не дает сказать, говорит, я лгунья, все выдумываю...

– Ну надо хотя бы попытаться! Вставай, Ир! Поднимайся, тебе говорят! Я с тобой пойду, подтвержу все, что ты скажешь.

Энтузиазм в Лелькином голосе и ее готовность немедленно отравиться в отделение показались Ирке странными.

– Лель... – заподозрив истину, неуверенно спросила она. – Ты чего, не разрешишь мне у тебя остаться?

– Понимаешь, какое дело... – замялась Гаврилова. – Родители не разрешат. Ты ж у нас, типпа, из неблагополучных, а маман моя от этого на дыбы становится.

Ира медленно поднялась, не сводя глаз с подруги.

– Лебеда, да ты наверняка приукрашиваешь! – преувеличенно бодро сказала Лелька. – Ну, выпил человек, с кем не бывает. Я ведь вижу, на тебе ни синяков, ни царапин. Если бы он тебя в самом деле избил, я бы тебя оставила, честное слово!

– Значит, с синяками и царапинами я могу к тебе прийти, правильно? – тихо, но жестко спросила Ирка, и по заметававшемуся взгляду Гавриловой поняла ответ. – Ясно. Ладно, пойду попрошу дядю Вову, чтобы он меня как следует избил. А потом сразу к тебе. Жди!

Выйдя из подъезда, она отряхнула испачканный подол, сделала несколько шагов в сторону дома, но бессильно опустила на ступеньки. «Лучше здесь ночевать буду, только не туда». Она вспомнила, как потные руки шарили по ее телу, и ее передернуло.

Идти Ирке было некуда. Она мысленно перебрала одноклассников, но поняла, что везде ее ждет тот же прием, что и у Гавриловой. В лучшем случае чьи-нибудь сердобольные родители приютят ее на пару ночей. И все.

– И все, – вслух проговорила Ирка.

Получилось тоненько и жалко, как писк подзаборного котенка, и она рассердилась на себя: «Не смей ныть!» Но ныть хотелось, и хотелось забиться тем самым подзаборным котенком в подвал, выставить оттуда ободранную мордочку, пищать: «Возьмите...
14 Пожалейте...»

Улица заполнилась людьми. Ирка долго сидела на ступеньках перед Лелькиным подъездом в каком-то странном состоянии между сном и явью, не замечая удивленных взглядов, а когда пришла в себя, уже сгустились сумерки. Она встала, потопталась и побрела к единственному оставшемуся в районе телефону-автомату.

Карточки не было, но ее выручил какой-то прохожий. Ирка набрала домашний и с колотящимся сердцем выслушала долгие гудки в трубке. Наконец ответила мать – привычным для нее резким голосом:

– Алло!

– Мам, это я, Ира...

Наступила пауза, а затем мать разразилась руганью. Постояв с трубкой, изрыгающей поток диких, несусветных обвинений, девочка аккуратно положила ее на аппарат и пошла прочь.

Мысль о том, что ей все-таки есть к кому обратиться, пришла неожиданно: когда Ирка уже решила, что пойдет в милицию. И тут вспомнила про «дядю Мишу».

Мать упоминала о нем всего пару раз с тех пор, как они переехали и она вышла замуж. Никким он был не дядей, а просто дальним родственником, уже пожилым. Ирка видела дядю Мишу один раз в жизни. Когда ей было лет десять, мать взяла ее с собой в гости. В квартире дальнего родственника оказалось интересно, но «гости» очень быстро закончились. Мать стала просить денег, упирая на

то, что девочке не в чем ходить. В подтверждение она выпихивала Ирку вперед, перед очи «дяди», а Ирка, как неуступчивый осленок, упиралась и пятилась, и в итоге обе они свалились на пол, а родственник обидно хохотал и, кажется, выставил их из квартиры. Ирка смутно помнила окончание визита, а подробностей не удалось выяснить и позже — мать отказывалась говорить об этом.

Но сейчас она с удивлением поняла, что память ее сохранила облик двора, в котором они с матерью побывали шесть лет назад, и даже название улицы всплыло: «Новопесчаная». Неподалеку, кажется, был парк, вспомнила Ирка. Она найдет, точно найдет!

Вскинув голову и вытерев слезы, девочка одернула платье и побежала в сторону остановки.

Старичок в кургузом пиджачке не шел, а ковылял, прихрамывая на левую ногу и словно вдавливая при каждом шаге свою палку в асфальт. Апрельский вечер был на удивление теплым, но парк быстро обезлюдел. Хромой неторопливо брел мимо пустых скамеечек, вокруг которых ветер носил бумажный мусор, и что-то по-стариковски ворчал себе под нос.

Подростки возникли из ниоткуда. Четверо, будто сделанные по одному лекалу: кривые, жилистые, с коротко обритыми бугристыми головами. Один отбивал об асфальт полуспущенный футбольный мяч.